

О русских художниках

Валерий СДОБНЯКОВ

Нижний Новгород

ДУХОВНОЕ ЧАДО ОТЦА НАУМА

(О художнике Г.А. Скотиной)

В помещении Нижегородской областной организации Союза писателей России на стенах висят большие картины, привлекающие к себе всеобщее внимание своей красотой и радостностью восприятия мира. Автор полотен – художник Галина Алексеевна Скотина.

Необычность видения мира автором отмечается всеми. Есть в живописной манере Скотиной что-то от русской былинности, от иконописи. Это проступает как бы исподволь, ненавязчиво, как основа мировоззрения художника. Потому не залюбоваться этими произведениями, пройти мимо эмоционально не откликнувшись на них – невозможно.

Это картины, дарящие осознание жизни – как великого и не случайного дара.

Для меня имя художника Скотиной известно давно, а вот познакомились мы, впервые увиделись совсем недавно, только этим летом. Бывает же такое.

Хотя ещё в 2014 году Галина Алексеевна делала рисунки и оформляла обложку к моей книжке «Говорящее дерево». Но тогда всё происходило через посредничество замечательного нижегородского графика Н.П. Мидова. Однако и это произошло намного позже первого узнавания творчества Скотиной.

Когда мои дочери были совсем крошками, я покупал для них с раннего детства разные книжки издательства «Малыш».

Маленькие, ярко разукрашенные сказочными сюжетами, они сами из себя одновременно представляли и имеющие содержание книжки (сти-

хи, загадки, пословицы, короткие сказки), и игрушки, с которыми детям было так приятно и интересно проводить время.

Вот тогда впервые я и прочитал имя художника – автора увлекательных картинок для детей – Г.А. Скотина. И оно мне запомнилось на многие десятилетия.

Не зная ещё Галину Алексеевну лично, я был наслышан от её коллег, с которыми со временем познакомился и даже подружился (Н.П. Мидова и Е.Д. Юшкова), о том, как они вместе, то расписывали, то реставрировали росписи в церквях.

Со временем работы Скотиной всё чаще и чаще стали украшать обложку журнала «Вертикаль. XXI век».

Всё шло к тому, что должны мы наконец познакомиться воочию.

Поиски в интернете дали довольно много информации о Галине Алексеевне, как иллюстраторе, но из сайта в сайт кочует одна и та же фотография, на которой голова молодой девушки туго повязана платочком, оставляя открытым только лицо. Позже, рассказывая о себе, Галина Алексеевна скажет между делом: «Я всю жизнь хожу в платке. Ага. Никогда по другому не было».

В первый свой приезд в гости к Скотиной, в её небольшую квартиру в Правдинске, больше напоминающую мастерскую художника, чем привычное для большинства населения жилое помещение, я расспросил Галину Алексеевну: откуда она родом, кто её родители, как она попала в этот городок, что расположен недалеко от Нижнего Новгорода, как вышло, что девочка из заволжской глухомани стала художником?

Родилась Г.А. Скотина в деревне Сиягодихе, что ютилась на небольшой возвышенности около санатория «Городецкий». С трёх лет, как себя помнит, вместо куклы у неё был карандаш, который она и пеленала. Но вскоре семья переехала на правый берег Волги, в Правдинск, и этот город для художника стал родным.

Здесь Галине открылись первые красоты окружающего мира: «Вышла на крыльцо и увидела, как всё желто от цветущих одуванчиков. Дорога тогда была выложена булыжниками, и все они разноцветные».

Рисовала всё время. Девочке купили краски. В то время продавали приклеенные на картонную палитру кружки сухих акварельных красок. Нужно было макать кисточку в воду, затем разводить этой водой кружок краски и рисовать на листах бумаги.

Учась в школе, Галина сочинила однажды повесть. Только не записала её, а нарисовала: в тетрадке на каждом листе был свой сюжет. По этим картинкам и рассказывала содержание повести своим подружкам. Позже одна из одноклассниц забрала тетрадку себе на память.

Самый близкий друг всю жизнь – старший брат Витечка. Иначе, как уменьшительно ласкательно, Скотина его имя не произносит.

Брат оберегал сестру, как только мог. Водил её гулять, придерживая за шиворот.

– Во время войны, когда мама пешком уходила в Работки, чтобы что-то из вещей поменять на продукты, я, малолетняя, оставалась на попечении Витечки. Он меня кормил: сварит одну свеклу или морковь, а мне этого есть не хочется. Сажу на печке. Тогда он начнёт меня развлекать: поймает мышь и посадит в валенок. А ещё вслух читал книжки – «Былины», «Конька-Горбунка». Был терпелив, когда я с чем-то не соглашалась, не сердился. И вообще очень общительный, весёлый, любил петь. Легко с людьми знакомился. Бывало, идёт где-то, его ещё не видно, а уже слышно, как поёт, или пляшет.

Брат тоже рисовал, первым записался во все кружки Дома культуры Бумажного комбината. В том числе и рисования, которым в то время руководил профессиональный живописец Дмитрий Николаевич Никитин. Привёл в кружок сестру, а сам вскоре бросил в него ходить. У Галины же с Никитиным сложились долгие добрые отношения, как ученицы с наставником.

– Я ему из-за Волги привезла деревянную солоницу, и Дмитрий Николаевич написал натюрморт: связанный петух и солоница. Красивая получилась картина. У него вообще вся большая квартира была в картинах. Я со временем перестала ходить в кружок, а приходила заниматься к нему домой. Никитин показывал книги, рисунки – очень хорошо было.

– И всё-таки сразу не решились посвятить себя живописи...

– Страшно было из дома уезжать. Поступила в Правдинске в техникум у железной дороги. Помню, идёшь вечером – и такие звёзды на небе... Ночь чёрная-чёрная, а звёзды светлые...

– Видимо поэтому в ваших работах так много звёзд, так вы любите их рисовать – особенно в графике?

– Закончив техникум, получила распределение на Дальний Восток. Жила там полгода, продолжала рисовать, переписывалась с художником Никитиным, посылала ему свои рисунки. Дмитрий Николаевич отвечал хорошими письмами, критиковал, что нет у меня в рисунках первого плана. Много я всего насмотрелась на Дальнем Востоке – ягоды, травы разные, ездилла однажды с мужиками ловить рыбу. Они в лодке жгли попрышки, рыба на свет выходила, и они её добывали. Мне тоже большую щуку дали. Я её на плече несла.

– Почему вернулись обратно в Правдинск?

– Хотела дальше учиться. Сразу не получилось поступить, пришлось поработать на местном заводе. Но после сдала экзамены в Московский педагогический институт имени В.И. Ленина. Там была подружка, она меня везде водила – по театрам, библиотекам, кладбищам, церквям... Но не молиться, а смотреть и удивляться, восхищаться. Очень она умела восхищаться. Сильный живописец – домик деревянный нарисует, так, смотря на него, наплачешься. Нам преподавал художник Борис Неменцкий из студии Грекова. Сейчас ему сто лет.

– Институт закончили?

– Нет, сколько-то проучилась и бросила, вернулась домой.

– Что так?

– Потому что папа умер... Видно не судьба мне жить в большом городе. А тут на Волге, в огороде, у старицы в лугах – всё одно чудо, одно цветение... Когда училась в Москве – жить было негде. Папа устроил на квартиру, но я там жить не могла. Хозяйка – женщина здоровенная, чистоплотная, всё время стирала – и своё, и для подработки. Она совершенно не понимала, чем я занимаюсь, что мне надо.

– Вернулись вы сюда, и как же попали в орбиту художественной жизни?

– В Москве я жила ещё у искусствоведа Елены Ивановны Житковой. Борис Михайлович Неменский устраивал мне какую-то выставку, а она приходила её смотреть и забрала к себе жить. У них с мужем большая квартира, он у неё был профессором, конструктором по авиационным двигателям или что-то связанным с самолётостроением. Вернувшись в Правдинск, стала много рисовать. Взялась писать в маленькой комнатке ту большую картину, которая вам нравится («В лодке», 1974 г., х/темпера, 110x260 см, висит на стене в моём рабочем кабинете в Союзе писателей – В.С.) Во вторую мама меня не пускала. Ругала, что всё захлामीла. Это была самая первая моя большая работа... Когда мама умерла, я ещё долго не использовала эту комнату для работы. А теперь уж всё заставлено картинами, папками с рисунками.

– Создалась эта картина и вы, наверно, захотели её где-то показать?

– Елена Ивановна постоянно пугала, что меня посадят в тюрьму за тунеядство, потому что нигде официально не работаю. Они с Борисом Михайловичем старались, чтобы меня приняли в члены Союза художников СССР. А для этого нужно организовать персональную выставку.

– Вот и спрашиваю – как вы вошли в круг горьковских художников?

– Приехала тогда в Горький с рекомендательными письмами от Елены Ивановны и от Бориса Михайловича, добавилось от Дмитрия Арсенина,

до этого в журнале «Юность» опубликовали чёрно-белые репродукции моих графических работ.

– Теперь понятно, зачем понадобилась выставка.

– Её устроила в Доме архитекторов местный искусствовед Лариса Помяткина. Но мне сказали, что работ мало. А я все свои работы перед этим сожгла.

– Почему?

– Мешали, квартира маленькая, где хранить, а их больно много. Куда девать... Вот с Витечкой и повытаскивали их на пустырь и сожгли.

– Так вы по рекомендациям связались с Помяткиной?

– Нет, пошла в Волго-Вятское книжное издательство, там познакомилась с Николаем Мидовым, графиком. Для издательства оформила несколько книжек. Уж теперь не помню сколько. Николай познакомил с Женей Юшковым. И так троём мы стали дружить.

– Как прошла выставка в Доме архитекторов?

– Меня сразу приняли в Союз художников СССР. Картина «В лодке» там тоже была выставлена. Писали про меня в газетках, картинку мои публиковали. Кто-то приезжал сюда, чтобы про меня написать. А я этого не хотела. И мама тоже не хотела... Потом много показывала свои новые картины на выставках. Как-то пришёл один человек и купил картину – васильки и ромашки. Больше у меня ничего не покупали. Картину «Мальчики» тоже намеревались купить. Человек уезжал в Израиль, хотел забрать её с собой, а я не отдала.

– Почему?

– Очень мало предлагал заплатить. Да и не захотела в Израиль отдавать.

– Как начали расписывать церкви?

– У отца Евгения Юшкова есть брат отец Геннадий, который жил здесь в посёлке, прозванным в народе «Кавказ». Он служил в местном храме. Вот они, умеешь – не умеешь, стали заставляя: давай делай. Стала научиться. А у Витечки в институте, где он работал, продавались книги об иконах. Он их мне покупал, я читала, рассматривала, училась, пробовала сама что-то сделать.

– Когда осознали себя человеком верующим, православным?

– Всё опять через Витечку... Сызмальства меня никогда не причащали. Родители об этом ничего не говорили. Все же боялись! Вот и Николай Мидов тоже был испуганным. Хоть с мамой и ходил в церковь, но она его строго предупреждала, чтобы молчал, никому об этом не обмолвливаться. А я ни разу не ходила. И мама у меня тоже.

– Как начали сотрудничать с издательством «Малыш»?

– Продолжала ездить к Елене Ивановне. Иногда подолгу жила у неё. Ходили с ней на Новодевичье кладбище. Там похоронен её первый муж. Вот она и Борис Михайлович помогли – мне стали давать работу: такую, русскую. Много книжек оформила в детском «Малыш», нравилось работать для детей. Это при советской власти. И церкви расписывала при советской власти – батюшка Наум из Троице-Сергиевой Лавры посылал к своим духовным чадам, молодым священниками. Мы с Женей Юшковым, Мидовым и Тырдановым ездили в отдалённые сёла. Затем тырдановские и юшковские дети присоединились.

– Расскажите о той грандиозной работе, которую сотворили в Спаском храме, написав в течение двадцати лет все иконы для большого пятиярусного иконостаса.

– Иконы стала писать тоже при советской власти. Ещё со страхом. Меня вызывали в исполком, заставили подписать какую-то угрозную бумагу. Чтобы не рисовала ничего религиозного. Приходилось прятать свои работы. Являлась Зина, работница исполкома, проверяла, почему всем этим неодобрительным занимаюсь. Я ей книги показывала, объясняла – изучаю древнюю живопись... Страшно было.

– Иконы тогда писали для людей, или храмов?

– И для людей, и реставрировала старые иконы для храмов.

– Расскажите о своём духовном отце Науме.

– Я когда приезжала в Лавру, всё просила батюшку – хочу, чтобы вы были моим духовным отцом. Он отвечает: «Далеко живёшь». А я всё рано езжу. Нарисую какую-нибудь икону, и ему принесу. Так со временем всё и устроилось. Потом батюшка заказал подготовить к изданию книгу про Киприана и Иустинию. Роман написал текст, я нарисовала картинки. Издательство Московской Патриархии её издало.

– С этим издательством вы тоже много сотрудничали?

– Да нет, немного. С отцом Артемием Владимировым сделали две книги. Были ещё какие-то. Уж теперь не помню.

Я уезжал от Г.А. Скотиной не с пустыми руками. Увозил на память ею написанную икону – Образ Покрова Пресвятой Богородицы.

При расставании, в тесной прихожей, Галина Алексеевна остановила меня, уже было взявшегося за дверную ручку.

– Постой, я тебя благословлю.

Я наклонил голову.

Твёрдой, натруженной рукой Скотина запечатлела на мне крестное знамение. Дабы не оставлял, хранил меня Господь.